

Взоры всех присутствующих обратились к Хан Сиэню. Хан Юнь, сидевшая на возвышении среди других знатных жён, мгновенно побледнела как полотно.

Даже Хан Чжо, неизменно кичившийся своей мнимой отцовской заботой, едва удержал маску благопристойности. Внутри него klokотала такая ярость, что он едва сдержал желание придушить собственного сына прямо здесь.

Однако, какие бы тёмные мысли ни роились в голове герцога, сейчас следовало спасать положение. Забыв о сыне, он поспешно покинул своё место, чтобы вымолить пощаду у государя. Из-за излишней спешки Хан Чжо задел пару столов; стоявший подле Хан Сиэня кувшин покотился и со звоном рухнул на пол.

Не обращая внимания на учинённый беспорядок и заботясь лишь о спасении лица, Хан Чжо рухнул на колени и заговорил с нарочитой горечью в голосе:

— Ваше Величество, Вдовствующая императрица, молю о пощаде! Мой недостойный сын из-за слабого здоровья долгие годы не брал в рот ни капли хмельного. Ныне же, оправившись от недуга, он не устоял пред изысканным императорским вином. Не рассчитав сил, юноша захмелел и потерял над собой контроль.

Присутствующие выслушали сбивчивые оправдания герцога, а затем скользнули взглядами по упавшему сосуду — тот оказался пуст, из него не пролилось ни капли. Делать нечего, гостям пришлось притворно закивать, соглашаясь с этой ложью.

Император снисходительно улыбнулся:

— Встаньте, любезный министр Хан. Молодому наследнику простительно увлечься добрым вином. Когда пир завершится, я велю отправить во дворец вашего сына пару кувшинов этого напитка.

Хан Чжо поспешил вновь отвесить земной поклон, благодаря за высочайшую милость.

Хан Сиэнь же, забавляясь происходящим, неспешно поднялся на ноги и произнёс:

— Благодарю Ваше Величество.

Император весело рассмеялся:

— Поглядите-ка, а юноша и впрямь ценитель! Мне лишь любопытно, какие дивные края ты узрел в своих хмельных грёзах, раз они заставили тебя рассмеяться?

Гости с замиранием сердца уставились на Хан Сиэня. Многих так и подмывало узнать: если

юноша не сыщет достойного ответа, разгневается ли государь? Какой каре подвергнет нечестивца?

Хан Сиэнь лишь едва заметно усмехнулся:

— В ответ Вашему Величеству. Вкушая это превосходное вино «Зелёный бамбуковый лист», ваш покорный слуга невольно задумался о величии нашей державы. Земли Великой Чжоу бескрайни, неисчислимы богатства её, а мудрость и изысканные ритуалы издавна влекут к нам данников со всего света. Сопредельные варвары взирают на Чжоу с благоговением, молят о покровительстве и тщатся перенять наши обычаи. Увы, рождённые в диких, гиблых краях, они не способны усвоить даже простейших основ благопристойности. Взять хотя бы степных наездников Сижуня. Год за годом их посланники обучаются при нашем дворе, однако на их родине сын всё так же наследует ложе покойного отца, а тётка с племянницей делят одного мужа. Что взять с безродных дикарей? Их помыслы и деяния противны самому небу.

Император разочарованно хмыкнул, мигом утратив интерес:

— Безбожные варвары, что с них взять? Скудные земли, вечный голод... Им бы брюхо набить, какая уж тут высокая культура или тонкие вина? Где им постичь величие чжоуских ритуалов.

Придворные поспешили угодливо закивать, подхватывая высочайшую мысль. Самые слащавые льстецы принялись наперебой превозносить императора, величая его величайшим из владык, чей гений затмил древних мудрецов. Довольный славословием правитель осушил ещё несколько кубков.

Когда суэта улеглась, в зале возникла неловкая пауза: Хан Минчжу так и стояла посреди помоста, привлекая ненужное внимание. Вдовствующая императрица с мягкой улыбкой одарила девушку парой ласковых слов, назвав послушной дочерью, и позволила той вернуться на место.

Спрятав дрожащие руки в широкие рукава, Хан Минчжу украдкой взглянула на императора. Тот даже не смотрел в её сторону, увлечённый лестью вельмож. Сердце барышни наконец забилось ровнее.

Находясь в Сицзяне, она не раз слышала от старой госпожи Ван, что покойный Ван Ин и её собственная матушка, госпожа Ван, хоть и не родились близнецами, неуловимо походили друг на друга чертами лица. Разве что во взоре Ван Ина всегда сквозили горделивая отстранённость и холодная красота, в то время как покойная сестра отличалась кротким, мягким нравом и изящным очарованием.

Стоило Вдовствующей императрице заговорить о ней, как душу Хан Минчжу сковал леденящий страх. Не приковал бы к себе внимание Хан Сиэнь своим вызывающим смехом — взоры всего двора обратились бы на неё. Девушка до смерти боялась, что её лицо, так похожее на лицо безвременно ушедшего Императорского благородного супруга, пробудит в государе опасные воспоминания и навлечёт беду.

Отогнав жуткие мысли, она тихо выдохнула. Теперь её взгляд, обращённый на старшего брата, наполнился глубоким смятением.

Хан Сиэнь тем временем решил оградить себя от чужих мыслей, безмолвным гулом катившихся по зале. Стоило ему ослабить сосредоточение и мысленно отгородиться от толпы, как навязчивый шёпот в голове тут же затих. Оставшись в желанном покое, он неторопливо принялся за еду с самым невозмутимым видом.

По правде говоря, судьба единокровной сестры его мало заботила — по сути, они оставались чужими друг другу людьми. И всё же позволить хитрой старухе-вдовствующей императрице разыграть невинную девушку как карту перед стареющим сластолюбцем-императором он не мог.

Сейчас государь ещё хранил верность памяти своего ушедшего возлюбленного, Императорского благородного супруга Ван Ина, и не опускался до поисков живой замены. Но кто знает, когда его величество лишится остатков разума и решит, что увядающий призрак прошлого уступает юной плоти? С этого мгновения жизнь Хан Минчжу была бы разрушена безвозвратно.

Больше на приёме никаких происшествий не случилось. Понаблюдав за очередной изящной пляской придворных дев, Вдовствующая императрица сослалась на усталость и отбыла в свои покои.

Император же, пребывая в превосходном расположении духа, пировал до самого конца. Лишь когда ночное небо расцветили огненные цветы праздничного салюта, он соизволил завершить торжество.

Перед уходом повелитель велел поднести Хан Сиэню обещанное вино — два кувшина превосходного дворцового «Зелёного бамбукового листа» — и пожаловал драгоценную нефритовую подвеску. Напоследок он лично напутствовал юношу беречь здоровье, туманно намекнув, что вскоре для него найдётся важное дело.

Хан Сиэнь и прочие члены клана Хань смиренно склонились в благодарственном поклоне. Другие же молодые господа из знатных столичных родов провожали новоявленного фаворита хмурыми, завистливыми взглядами. Мало кто мог взять в толк, какими судьбами этот безвестный затворник ухитрился в одночасье снискать монаршую милость.

\*\*\*

Празднество закончилось. Кареты именитых домов вереницей потянулись прочь от дворцовых ворот. Для клана Хань этот вечер обернулся чередой потрясений — от безумной надежды до леденящего ужаса, оставив в душах каждого горький осадок.

Стоило повозке Хан Сиэня остановиться у ворот усадьбы, как дорогу ему преградили слуги.

Ему передали, что разгневанный отец и старая госпожа Хань уже ждут его в Дворике Вутонов, дабы тот принёс повинную.

Юноше до смерти наскучили эти вечные семейные судилища. Обретя столь могущественного покровителя в лице самого императора, он более не намеревался терпеть попреки и притеснения. Настало время расставить все точки над «и», а потому он без колебаний направился к покоям бабушки.

Переступив порог главного зала в Дворике Вутонов, Хан Сизнь застал привычную картину: старая госпожа Хань полулежала на кушетке, театрально заламывая руки и прижимая ладонь к груди. Вокруг неё, преклонив колени, толпились домочадцы всех возрастов во главе с тётушкой Хан Сю. Все они дружно утирали слёзы и наперебой умоляли старуху побереечь силы и не изводить себя гневом.

Завидев вошедшего Хан Сизня, который замер у дверей с самым невозмутимым видом, старая госпожа зарыдала с новой силой. Указав на него дрожащим пальцем, она повернулась к сыну:

— Полюбуйся! Погляди, какого почтительного сына ты вырастил!

Хан Чжо с преувеличенной заботой зашептал:

— Матушка, умоляю вас, успокойтесь. Не губите своё здоровье из-за этого паршивца.

Но слова сына лишь подлили масла в огонь. Лицо старухи исказилось от злости:

— Как мне не гневаться?! Спроси лучше у своего негодника, что он сотворил сегодня на глазах у всего двора! Он же в могилу меня свести хочет!

С этими словами она принялась иступлённо колотить кулаками по подушкам, шумно и прерывисто хватая ртом воздух.

Хан Чжо уже открыл было рот, собираясь приказать сыну пасть ниц и молить о прощении, как Хан Сизнь заговорил сам — негромко, размеренно и пугающе спокойно:

— Бабушка, вы бы поберегли себя. Не дай бог с вами случится какой удар. Ведь если вы, упаси небо, преставитесь, всем мужчинам нашего рода придётся оставить службу и соблюдать траур по родителям. Кто знает, вспомнит ли вообще государь о клане Хань, когда эти три года закончатся? И останется ли для нас хоть какое-то тёплое местечко в столице?

Подобной дерзости никто не ожидал. В комнате воцарилась гробовая тишина — столь наглое попрание сыновней почтительности лишило присутствующих дара речи. Старая госпожа Хань вмиг замолкла, позабыв о своих рыданиях, и уставилась на внука округлившимися от изумления глазами.

Первым опомнился Хан Чжо. Багряный от душившей его ярости, он вскочил на ноги и с размаху замахнулся, намереваясь отвесить сыну хлёсткую пощёчину.

Однако Хан Сизнь легко уклонился, отступив на несколько шагов назад. Скользнув рукой за пазуху, он небрежно извлёк на свет украшенную драконьим узором нефритовую подвеску.

— Завтра поутру государь ждёт меня во дворец, — ровным голосом произнёс он, покачивая безделушкой на шёлковом шнуре. — Это его личный дар. Говорят, сия вещь знаменует присутствие самого императора и дарует право беспрепятственного прохода в покои Его Величества. Отец, ты действительно хочешь поднять на меня руку? Не сочтут ли твой удар покушением на авторитет самого владыки? Конечно, если вам угодно наказать меня — избить до полусмерти или заставить всю ночь стоять на коленях в холодном семейном святилище, — я спорить не стану. Силы неравны. Вот только если завтра я не смогу подняться с постели, лекарь Чжоу непременно явится сюда по приказу государя, дабы выяснить причину моего недуга.

Эти слова прозвучали точно гром среди ясного неба. В покоях старой госпожи повисла удушливая тишина. Родственники оцепенели, испуганно переводя взгляды с Хан Сизня на императорский жетон. Юноша же лишь снисходительно улыбался, глядя на их растерянные лица.

Старая госпожа Хань рывком поднялась с кушетки. Её лицо перекосилось от бессильной злобы, а голос сорвался на визг:

— Неблагодарная тварь! Ты смеешь желать смерти собственной бабке?! Думаешь, раз приглянулся императору, то тебе всё сойдёт с рук? Завтра же твой отец пойдёт к управе, ударит в барабан и обвинит тебя в тягчайшем преступлении против сыновней почтительности! Тебя казнят, негодяй!..

Хан Сизнь негромко рассмеялся, перебивая её гневную тираду. Качнув головой, он мягко, точно неразумному дитяти, принялся растолковывать очевидные истины:

— Бабушка, побойтесь неба, вы совершаете глупость. Не стоит пугать меня законами предков и сыновним долгом. Поймите простую вещь: в поднебесной правит закон государя. Если император назовёт подлеца образцом добродетели — тот прослывет величайшим праведником. Но если Его Величество сочтёт истинного праведника бунтовщиком — тот окончит свои дни на плахе. Кому принадлежит власть казнить и миловать? Ему, а не вам. Что же до чести нашего дома... Слава и позор раздаются лишь по монаршей воле. Так что извольте, жалуйтесь кому угодно. Лично мне на доброе имя клана Хань глубоко плевать.

В комнате вновь воцарилась тишина — настолько глубокая, что было слышно, как оплавляется воск в светильниках. Против безумца, которому нечего терять, бессильны любые угрозы. Тот, кто готов сжечь мосты, всегда одержит верх над цепляющимися за сытую жизнь обывателями.

Хан Сизнь окинул взглядом позеленевшую от ярости старуху, прикрыл рот ладонью и слегка

зевнул:

— Ну, если у вас больше нет ко мне ценных наставлений, я, пожалуй, пойду к себе. Пора отдыхать.

Юноша уже развернулся к выходу, когда за спиной раздался глухой, лишённый прежнего притворного дружелюбия голос Хан Чжо:

— Чего ты добиваешься? Чего ты хочешь?

Хан Сизнь лишь пожал плечами:

— Ровным счётом ничего. Я просто намерен жить так, как мне вздумается.

— Близость к трону обманчива, — процедил Хан Чжо, буравя его тяжёлым взглядом. — Сегодня ты на вершине, а завтра — в бездне. Жалкий выскочка, решивший, что поймал удачу за хвост, быстро наживёт себе врагов. И когда фавор закончится, тебя втопчут в грязь, из которой ты уже никогда не поднимешься.

Хан Сизнь безмятежно улыбнулся:

— Что же, я с нетерпением буду ждать этого славного дня. Но пока он не настал, покорнейше прошу вас вести себя смирно. Будет до боли досадно, если кто-то из присутствующих покинет сей бранный мир, так и не дождавшись моего падения.

С этими словами он переступил порог покоев и скрылся в ночной темноте.

То ли неприкрытая угроза возымела действие, то ли у старой госпожи нашлись иные соображения, но стоило за внуком закрыться двери, как она тут же распустила притихшую родню. Затеять расправу над Хан Минчжу, младшей сестрой строптивого наследника, при помощи обычных уловок внутренней усадьбы старуха так и не решилась.

Вернувшись во Дворик Душистых Орхидей, Хан Сизнь наскоро умылся, лёг в постель и мгновенно уснул. До самого утра его сон ничто не тревожило.

А вот в Дворике Вутонов ночь выдалась бурной. Ближе к рассвету туда спешно вызвали лекаря: у старой госпожи случился внезапный приступ, от которого у неё отнялись рука и нога. Перепуганный целитель до самого утра ставил несчастной иглы, силясь вернуть подвижность парализованному телу.